

Константин Темиров

Стихотворения

Родился в 1986 году. Окончил Литературный институт им. Горького (поэтический семинар Инны Ростовцевой). Автор книги стихотворений «Сквозь вечер». Живёт в Германии.

* * *

Уже к зиме готовят теплоходы,
Уже совсем разграбили причал.
Несёт река свои спокойно воды,
И равнодушно светится канал.

Здесь на домах включают освещение,
Здесь у реки высотный этот дом.
В нём золотое явлено сечение,
Но никогда жильцов не видно в нём.

Летит листва и стелется по крышам,
Открылась ночь, и обезлюдел вид.
Лишь в несезон мы голос места слышим,
Лишь в несезон район нам говорит..

Пора и мне куда-нибудь отсюда –
Под колокольный лживый перезвон.
Чем больше здесь надеешься на чудо,
Тем протяжённей список похорон.

* * *

Просияла комета и снова ушла во мрак.
В этом хаосе встречу нельзя предсказать никак:

Или ты разобьёшься, комета, от нас вдали,
Или к будущей встрече не будет уже Земли.

Но пока в этом городе тихо ползёт река,
Игнорируя время и пульс моего виска.

Человек умирает, уходит за грань вещей,
Лишь вода остаётся, и всё безразлично ей.

* * *

Нелепая шкатулка.
Открой и посмотри:
Вращается фигурка,
И музыка внутри.

Уже и грудь остыла,
И волос поседел.
– Я так тебя любила...
– Я так тебя... (Пробел.)

Невидимая спица,
Хочу тебя постичь,
С твоим вращеньем слиться
И превратиться в кич.

Истрачено круженье,
И музыка внутри.
Не надо повторенья!
Умри!

Умри!

Умри!

Прогулка

За домом сразу начиналось поле.
Виднелась роща в сумрачной дали.
О чём-то рассуждая поневоле,
Мы скорым шагом к роще тёмной шли.

Там кладбище забытое лежало,
Мы шли на этот брошенный погост.
Дорогу нам ничто не освещало,
На небе не виднелось даже звёзд.

Тропа лежала к зарослям вплотную,
Но в глубине деревьев и кустов
Я видел только темноту сплошную –
Без памятников мрачных и крестов.

Вдруг что-то возникало — силуэтом,
Прозрачное и призрачное, но
К виденью подбирались мы, при этом
Казалось больше деревом оно.

Мы шли и шли, волненья не скрывая,
И жуткая гудела тишина,

Как будто не душа моя живая,
А вся округа ей потрясена.

И снова тот, за дальними стволами,
К дорожке выходил из темноты
И прятался за чёрными кустами,
И замирали чёрные кусты.

Какое-то суровое начало,
Запретное, неведомое нам,
За каждой веткой нас подстерегало
И глухо шелестело по верхам,

Как будто уверяло нас не в шутку,
Что этот окончательный приют
Наперекор холодному рассудку
Бессмертием когда-то назовут.

Мы вышли на железную дорогу,
Вдоль насыпи пошли, сбавляя ход.
К нам дачи приближались понемногу,
Деревья за спиной – наоборот.

Я шёл и жил минувшим потрясеньем,
И не заметил, кажется, когда
В раздвинувшемся воздухе осеннем
Над нами зазвенели провода.

Мелькнул вдали большой фонарь состава,
И прогремел могучий товарняк.
Так жизнь куёт своё стальное право,
То – бытия подогнанный костяк.

Так, выдержав с болезнью поединок,
Душа всегда куда-нибудь спешит,
И сумасшедший праздничный ботинок
Бежит себе и гравием шуршит.

Не так ли жизнь? Вагонами промчалась, –
И позади остался перегон.

Не так ли роца позади осталась?..
Наверное, о том же думал он.

Бессмертие

Взрыв звезды – за сто тысяч с лишним лет
Световых от нас, на краю Вселенной.
Но сто тысяч лет её мёртвый свет
Будет здесь реальностью несомненной.

Вроде нет звезды, и нельзя понять,
Что тогда на месте её маячит.
Раз дано ей в небе ночном сиять,
Значит, это что-то ещё да значит.

Если ты с бессонницей заодно
И сидишь на смятой своей постели,
Глянь – звезда струится в твоё окно,
И не вроде как, а на самом деле.

Так небытие удивляет нас
И мигает, в небе являя точку.
Так и мы горим для далёких глаз,
На сто тысяч лет получив отсрочку.

* * *

Не надо мне мистической изнанки,
Я жизнь люблю без лишних плоскостей.
Простые осязаемые санки
И пламенной Платона, и честней.

Вокруг одни банальные явления,
И нет путей в заоблачную даль.
Но не вещей, исполненных значенья,
А мелочей невыразимо жаль.

К чему же мне таинственный и горний,
Раз я всецело в дольнем состою.
Здесь мои санки катятся проворней
И заурядность чувствуют мою.

* * *

Предательство страшной, когда – весна,
Цветёт сирень, и беззащитно сердце,
Когда природа бредит после сна,
Когда в неё как бы открыта дверца,

Когда летишь за каждым пустяком,
И жизнь чиста, как первый день творенья.
Но вот решили: «Мы тебя убьём,
А ты напишешь нам стихотворенье».

* * *

Говоришь, тяжёлая работа –
Говорить? Но кажется – пора б.
Дуб уже на уровне банкрота
И ограблен граб.

Только бы сбежать из-под охраны
Мёртвых комнат и холодных рам!
Не зевай, мгновение! Стаканы
Золоти, агдам!

Нам морей тропических не надо,
Подойдём к ближайшему лотку:
Гуля, Зуля, ветка винограда,
И в Москве – Баку.

Может, с головой не всё в порядке,
Если вызывают интерес
Привозные персики в палатке,
Груши на развес.

Осенью всегда со мной такое.
Полнится в Коломенском сума.
Яблочко – лицо твоё смешное,
Яблонька – сама.

Здесь не парк, — раздолье садоводу!
Мы уже спускаемся к воде.
Мы всегда любили эту воду.
Здесь неважно – где.

Год вильнёт излучиной глухою:
Затевая странную игру,
Этот сад не выживет зимою.
Или я умру?

Что-то безнадёжно оборвётся.
Выдохнешь – и не увидишь пар.
Белая равнина отзовется
Чернокрылым кар-р-р.

Помнишь, как идут они устало,
Эти трое, и шаги хрустят...
Я не понял, что ты там сказала:
Брейгель нам не брат?

Переждём движенье мировое
И созвездий полный оборот.
Говоришь, что я плету такое? –
Что беда пройдёт.

* * *

Проси у Бога благодати –
Не для себя, а для других,

Тогда слова придутся кстати,
И больше смысла будет в них.

В минуту чёрного сомненья
Скажи Спасителю: «Спаси!»
Проси у Бога – вдохновенья,
А остального – не проси.

Мирные ямбы во время войны

Мужик, похожий на Чубайса,
На самокате пролетел.
«Иди, дружок, не улыбайся!» –
Он мне как будто повелел.

Я и не думал улыбаться.
Я в этом праздничном аду
Воздушной поступью паяца
Над русской тяжестью иду.

Такая лёгкость – поневоле:
Мне надо срочно на Арбат.
Потом – в Охотный. До того ли,
Чтоб улыбаться всем подряд!

Спешу, блаженный, в магазине
Ненужных книжек закупить,
Как будто смерти нет в помине,
Как будто вечно будем жить.

* * *

Exegi monumentum...

Я памятник воздвиг. Но что переменял?
Без дела он стоит, как бочка за сараем.
Ну, Аквилон подул. Ну, дождичек полил.
И стал мой монумент почти неузнаваем.
Нет, весь я не умру. Тем более – теперь,
Когда мой шаг сродни движенью черепахи.
Я достаю тетрадь. Я закрываю дверь,
И падает засов, как лезвие на плахе.

К Фелице не летал мой скромный чик-чирик.
Я для своей страны не требовал свободы.
Но осудил меня всяк сущий в ней язык,
И помнят этот хор мои глухие своды.
Нет, к лире не спешит притронуться рука.
Молчанию дивлюсь – как лучшей перемене.
Не надо мне уже лаврового венка
За слово в тишине и оду к Мельпомене.